

УДК 316.722

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-498-503

КОНЦЕПТЫ НАСИЛИЯ И НЕНАСИЛИЯ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**THE CONCEPTS OF VIOLENCE AND NONVIOLENCE IN IDEOLOGY AND CULTURAL PRACTICES OF WORLD RELIGIONS (PROBLEM STATEMENT)****С.В. Резник
S.V. Reznik**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: reznik@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблемы насилия и ненасилия в идеологии и культурных практиках мировых религий. На основе анализа священных текстов буддизма, христианства, ислама дано философско-антропологическое определение концептов насилия и ненасилия в идеологии и культурных практиках мировых религий. Проводя обзор концепций ненасилия в мировых религиях, автор рассматривает данное понятие в следующих основных смыслах. Во-первых, ненасилие как внутреннее состояние или установка на мирное поведение и почитание жизни. Данный смысл непосредственно реализуется в джайнизме, буддизме и индуизме в понятии ахимсы. Во-вторых, ненасилие как идеал социальной гармонии и мирного существования. В данном понимании ненасилие реализуется в иудаизме и исламе и христианстве в образах прекрасного будущего. В-третьих, ненасилие реализуется как способ реакции на конфликтную ситуацию. Данный смысл реализуется в христианской концепции жертвенной любви («агапэ») и методе ненасильственного сопротивления М. Ганди. Автор приходит к выводу, что великие мировые религиозные традиции роднит ряд общих черт, главной из которых является их стремление к ненасилию, любовь, альтруизм и сострадание по отношению ко всему живому.

Abstract

The article deals with the problems of violence and nonviolence in the ideology and cultural practices of world religions. On the basis of the analysis of sacred texts of Buddhism, Christianity, Islam the philosophical and anthropological definition of concepts of violence and nonviolence in ideology and cultural practices of world religions is given. Reviewing the concepts of nonviolence in world religions, the author considers this concept in the following basic meanings. First, nonviolence as an internal state or an attitude towards peaceful behavior and reverence for life. This sense is directly realized in Jainism, Buddhism and Hinduism in the concept of Ahimsa. Secondly, non-violence as an ideal of social harmony and peaceful co-existence. In this sense, nonviolence is realized in Judaism and Islam and Christianity in the images of a beautiful future. Thirdly, nonviolence is being realized as a way of responding to a conflict situation. This meaning is realized in the Christian concept of sacrificial love ("Agape") and the method of nonviolent resistance of M. Gandhi. The author comes to the conclusion that the great world religious traditions have a number of common features, the main of which is their desire for nonviolence, love, altruism and compassion for all living things.

Ключевые слова: концепты насилия и ненасилия, джайнизм, буддизм, православие, ислам, агапэ, ахимса, джихад.

Keywords: concepts of violence and nonviolence, Jainism, Buddhism, Christianity, Islam, Agape, Ahimsa, Jihad.

Практически все религиозные традиции проповедают ценность человеческой жизни и запрещают убийство. В авраамических религиях (иудаизм, христианство, ислам) заповедь «Не убий» (Исх. 20:13) является непреложной. Подобные призывы содержатся в текстах религий Древней Индии: джайнизма (Сутра-кританга), буддизма (Трипитака), индуизма (Законы Ману). Однако, несмотря на согласие религиозных традиций относительно аморальности убийства, существует ряд значительных как внутренних, так и внешних разногласий по поводу нескольких ключевых моментов. Во-первых, как именно оправдывается запрет на убийство. Во-вторых, при каких обстоятельствах данный запрет может быть отменен. В-третьих, должен ли применяться данный запрет в отношении любого живого существа. И, наконец, в-четвертых, насколько существенным и важным этот запрет считается в каждой конкретной традиции.

Сравнительное исследование представлений о насилии и ненасилии в мировых религиях затрудняется тем обстоятельством, что в каждой культуре и в каждой исторической эпохе используются разные понятия для обозначения насилия и ненасильственных поступков и установок. Следует отметить, что термины «*пацифизм*» (pacifism) и «*ненасилие*» (nonviolence) – неологизмы в английском языке. Термин «*ненасилие*», являющийся переводом санскритского «*ахимса*» (букв. «непричинение вреда»), прочно вошел в разговорный английский только в XX столетии в связи с популярностью идей М. Ганди. Данная концепция имеет соответствия в религиозных традициях всего мира.

Понятие «ненасилие» в концепциях религий мира можно рассматривать в трех основных смыслах. Во-первых, ненасилие как установка на мирное поведение и почитание жизни. Данный смысл непосредственно реализуется в джайнизме, буддизме и индуизме в понятии ахимсы. Схожие установки можно обнаружить в некоторых христианских общинах (например, у квакеров). Во-вторых, ненасилие как идеал социальной гармонии и мирного существования. В данном смысле принцип ненасилия реализуется в древнееврейском термине «*шалом*» и исламском «*салам*». Тот же смысл заложен в образах прекрасного будущего в христианской традиции. В-третьих, ненасилие как способ реакции на конфликтную ситуацию, т. е. ненасильственное отношение к своим противникам, даже если они находятся в положении угнетателей. Этот смысл подразумевался в христианской концепции жертвенной любви, примерах мученичества в иудаизме и методе ненасильственного сопротивления М. Ганди.

Культура Древней Индии Ведического периода основывалась на ценностях общества воинов (кшатриев), поэтому представления о ненасилии не существовало. Ведические повествования о богах и великие эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна» изобилуют описаниями сцен насилия и битв. Первое упоминание о ненасилии как моральной добродетели содержится в «Чхандогья-упанишаде»: «Далее подвижничество, подаяние, честность, ненасилие, правдивость – это его дары [жрецам]» (3.17.4) [3, 81]. Слово «*ахимса*» используется здесь в значении самопожертвования и самоограничения. В другом, более позднем тексте, «Йога-сутре» [4, 201], соблюдение принципа «ахимса» является обязательным требованием к каждому, желающему быть допущенным к практике йоги. В дальнейшем представление о ненасилии связывается с концепцией *кармы*, предполагающей, что совершенные человеком действия и установки, направленные на уничтожение чужой жизни, оказывают особенно отрицательное влияние на статус и форму его следующего рождения. В VI в. до н. э. концепция ахимсы становится важной составной частью учений оппозиционных официальному брахманизму.

Специфической особенностью джайнского понимания принципа ненасилия является положение о том, что убийство, в том числе случайное, препятствует достижению благой кармы. Джайнские монахи, соблюдающие большее количество запретов, нежели миряне, доводят идеал ахимсы до логического конца: они завершают свою жизнь, отказываясь от любой пищи. Буддийский идеал ахимсы не столь суров, как джайнский. В буддизме намерение важно в той же степени, что и деяние. Поэтому традиционные буддийские учения говорят о пяти необходимых условиях, каждое из которых должно наличествовать, чтобы человек был признан виновным в отнятии чужой жизни: 1) объект деяния непременно должен быть живым; 2) убийца должен знать, что объект действительно является таковым; 3) убийца должен иметь

намерение убить; 4) должен произойти сам факт убийства; 5) объект деяния обязательно должен умереть.

В буддизме запрет на убийство может быть смягчен, если совершенное действие можно охарактеризовать в соответствии со всеми условиями, кроме третьего. Например, использование оружия для защиты (даже на войне) оправдывается на том основании, что данный вид насилия считается реакцией на чужое деяние, а не происходит из личного намерения. Буддизм запрещает насильственные действия в целях военно-политической экспансии. Величайший правитель древности, принявший буддизм, Ашока, после завершения серии кровопролитных войн и расширения границ своего царства (территория современного штата Бихар) за счет завоевания большей части полуострова Индостан превращает принцип ненасилия в одну из основ своего правления.

И в современных «буддийских» странах, как например, в Таиланде, где монархия является одновременно религиозным и политическим институтом, существуют определенные расхождения между необходимостью подчиняться требованиям политической власти и следованием принципу ненасилия. В Китае и Японии, где буддизм входил в тесное соприкосновение с местными религиозными традициями, самые строгие предписания соблюдаются только монахами, в политической же практике для оправдания насильственных методов можно прибегнуть к другим учениям (конфуцианству или синтоизму). Тот факт, что китайская культура оказалась восприимчивой к буддистскому идеалу ненасилия, во многом объясняется тем, что местные философские традиции разрабатывали схожие идеи. Даосская концепция «у-вэй» (букв. «недеяние») созвучна идеалу «ахимса».

В исламе концепция ненасилия не разрабатывалась так же тщательно, как в джайнизме и буддизме, однако и здесь можно провести определенные параллели. В определенных обстоятельствах ислам допускает использование насилия: внутри общины это применение суровых наказаний (вплоть до смертной казни), за ее пределами – борьба с врагами веры. Здесь мы подходим к одной из самых сложных проблем – концепции джихада. Сложность заключается в том, что понятие джихад находится в зависимости от субъективного восприятия отдельного человека, лидера. Наиболее важный смысл понятия «джихад» выражается в следующих значениях: «джихад сердца» – борьба с собственными дурными наклонностями; «джихад языка» – действия мусульманина, направленные на словесное предостережение и просвещение других людей; «джихад руки» – действия верующего, направленные к препятствованию совершения другим верующим греховного деяния; «джихад меча» или «малый джихад» – вооруженная борьба за веру, которую ведут верующие с напавшими на них агрессорами.

С точки зрения мусульманского права, *джихад* не предполагает и не оправдывает насильственного обращения в ислам. Правомерными признаются только те случаи принятия ислама, которые произошли ненасильственно, т. е. вследствие разумного убеждения или «перемены сердца». По этой причине к немусульманскому населению в исламских странах всегда относились терпимо. Предписывая возмездие за убийство, Коран принимает последнее как правовую реальность и тем самым ограничивает насилие. Сура «Трапеза» гласит: «По этой причине предписали Мы сынам Исраила: кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех, А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех» (5: 35 (32)) [1]. Таким образом, признавая справедливость равного воздаяния, ислам осуждает насилие и вводит его в контролируемые рамки.

В суфизме термин «джихад» применялся главным образом для обозначения внутренней борьбы («*великий джихад*») добра и зла, идущей внутри каждого человека. Более того, в исламе существовали чисто пацифистские направления – Мазийария и Ахмадия [10]. В XX в. проживающие на северо-западе Индии мусульмане-пуштуны, направляемые соратником Ганди Абдулом Гаффар-ханом, предприняли ненасильственную кампанию за независимость от британского владычества. При подобных обстоятельствах мусульмане предпочитали использовать методы ненасильственного несотрудничества и свидетельства веры даже под угрозой смерти. Термин джихад имеет реальное историческое развитие, зависящее от контекста места и времени. Призывы Корана к войне отражают конкретную ситуацию жизни Про-

рока в мединский период. Призывы сражаться против язычников Мекки не применимы в наши дни в качестве принципа, оправдывающего применение силы.

Лишь незначительное количество стихов Корана посвящено войне и насилию, слова «милосердие» и «мир» встречаются там значительно чаще, чем «джихад». Аллах – не бог войны, напротив, как гласит открывающая сура Корана: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» (1: 1–2). Среди 99 имен Аллаха упоминаются «Мягкий», «Кроткий», «Любящий», «Прощающий». Кроме того, слово «ислам» означает подчинение, покорность, которые человек должен проявлять по отношению к Богу. Этимологически слово «ислам» происходит от того же корня, что и «салам» (мир). Отсюда и мусульманское приветствие «Салам алейкум» («Мир вам»). «О вы, которые уверовали! Поистине, среди ваших жен и ваших детей есть враги вам, берегитесь же их! А если пропустите, и извините, и простите..., то Аллах – прощающ, милосерд!» (64: 14). В Коране даже есть некое золотое правило: «Не равны доброе и злое. Отклоняй же тем, что лучше, и вот – тот, с которым у тебя вражда, точно он горячий друг» (41: 34(34)). Добиваться мира следует не только между мусульманами, но следует заключать его и с врагами: «А если они склонятся к миру, то склонись и ты к нему и полагайся на Аллаха: ведь Он – слышащий, знающий!» (8: 63(61)). Таким образом, в традиционном исламе содержится значительный потенциал для поддержания мира, который необходимо активизировать, учитывая события последнего времени.

Одной их характерных черт раннего христианства являлась идея мученичества. Акт мученичества уподоблялся искупительной жертве Христа. Сторонники идеала жертвенной любви Христа (*аганэ*) буквально воспринимали призыв Иисуса к ненасильственному решению конфликтов: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5:44). Ранние отцы церкви Тертуллиан, Ориген и другие утверждали запрет на отнятие человеческой жизни. По этой причине христиане отказывались служить в римской армии, кроме того, legionеры должны были приносить обязательную присягу перед императорскими богами, что христиане рассматривали как идолопоклонство.

После того как в IV в. император Константин фактически превращает христианство в государственную религию, представления о ненасилии претерпевают серьезные изменения и, кроме того, начинает создаваться концепция справедливой войны. Данная концепция, предложенная Цицероном и спустя много времени развитая Амвросием Медиоланским и Августином, оказала огромное влияние на социальную мысль христианства. Однако довольно быстро она морально дискредитировала себя, поскольку ей оправдывались сомнительные военные авантюры и жестокие преследования религиозных меньшинств. В конце концов, в XIII в. Фома Аквинский утверждает о том, что любая война греховна, независимо от того, по какой причине она ведется [2, 497–500].

Первые годы существования христианской империи характеризуются жестокими битвами как с внешними, так и внутренними врагами: тридцатилетняя война против саксонских варваров первого христианского императора, короля франков Карла Великого, сопровождалась тысячами казней еретиков и приверженцев других религий. В период классического средневековья римско-католическая церковь Западной Европы восприняла учение Августина о законности использования силы для достижения духовных целей, и в итоге санкционировала применение силы для распространения христианства. В отличие от традиций раннего христианства, войны велись для обращения язычников, распространения Евангелия и борьбы с ересью. Крестовые походы же ознаменовали собой полный отход от истинного значения идеи мученичества Христа.

Высшие иерархи церкви папа Урбан II и Бернар Клервосский объявили войну во имя освобождения «святой земли» из рук «неверных» мусульман. Крестовые походы рассматривались как общее дело для всех христиан Западной Европы. Папа, выступая от имени Христа, призывал людей взяться за оружие. Папа Иннокентий III, инициировавший Четвертый крестовый поход, первым на западе объявил Крестовый поход против христиан, во время которого был захвачен и разграблен Константинополь, его население истреблено во имя утверждения главенства Рима. В дальнейшем это привело к альбигойским войнам на юге Франции,

в ходе которых в течение двухсот лет в результате действий противоборствующих сторон была истреблена значительная часть населения.

Уже в эти времена многие задавались вопросом, позволил бы Иисус, призвавший в Нагорной проповеди отказаться от насилия и возмездия, возлюбить врага своего, проводить военные кампании подобного рода, и не искажается ли таким образом смысл Назарейского креста. Вместо того чтобы вдохновлять христиан нести свой крест, он украшал доспехи крестоносцев, придавая законность их кровавым войнам. В средневековом христианстве «мир от Бога» был мерой, применявшейся для ограничения насилия, но она носила местный и временный характер. Важно подчеркнуть, что миссионерские войны и крестовые походы возникли в рамках идеологии римско-католической церкви раннего и классического средневековья и не могут быть перенесены на всю христианскую традицию. Кроме того, следует помнить, что христианская традиция берет свое начало не от воинственных пророков (Моисей, Иисус Навин) или агрессивных царей (Давид), а от проповедника ненасилия и церкви периода раннего христианства. В древнеримский период христианство распространялось ненасильственным путем, но через проповедь справедливости, любви и обещание вечной жизни. Ранним христианам запрещалась не только военная служба, но и работа мясником. Римские папы, вдохновлявшие Крестовые походы, могли ссылаться, вероятно, на концепцию «священной войны» в духе Второзакония, на слова и деяния ветхозаветных пророков. Христианин же, прибегающий к насилию и ведущий войну, не может ссылаться на Христа для оправдания своих действий.

Протестантизмом также были разработаны идеологемы насилия и ненасилия. Концепт «ненасилия» был заложен в систему протестантской культуры трудами протестантских реформаторов М. Лютера [5] и Ж. Кальвина [6]. Представления о собственной избранности, как у пуритан, так и у квакеров привели к выстраиванию их взаимоотношений с другими сообществами по особому типу, не характерному для католических сообществ.

Самым известным протестантским пацифистским движением стало общество Друзей (квакеры), основанное в Англии в 1649 г. Джорджем Фоксом. Ненасильственная этика этого движения была основана на представлении о том, что в каждом человеке есть искра божественной природы, что является доказательством священности любой жизни. По этой же причине колониальный лидер Уильям Пенн (квакер по исповеданию) отказался использовать оружие против американских индейцев, что в итоге позволило ему основать мирное поселение, поддерживавшее добрые отношения с автохтонным населением. Концепты ненасилия закладываются именно в квакерской традиции. В выстраивании квакерами отношений по типу «свой – другой», формировании отношения к «другому», как равному, т. е. способному приобщиться к «свету истины», а не как «чужому», можно увидеть предпосылки для формирования светской культуры с ведущей ценностью ненасилия [9].

Итак, все три великие мировые религиозные традиции роднит ряд общих черт, главной из которых является их стремление к ненасилию. Так, например, в буддизме считается, что человек, спасающий другого от смерти, пусть даже с применением насилия против насильника, на самом деле совершает ненасильственный поступок. По нашему мнению такой взгляд наиболее близок русской православной традиции. Любовь, жертвенность, желание спасти ближнего пусть даже ценой своей собственной жизни стали важнейшей частью понятия о ненасилии в русской православной традиции («Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Иоанн, 15: 13)). Эта же черта свойственна и традиционному исламу. Достигнуть абсолютного ненасилия невозможно, однако есть возможность уменьшить насилие в мире с помощью любви к ближнему и нравственному самосовершенствованию отдельной личности. Кроме того, абсолютный пацифизм, считающий мир величайшим благом, которому все должно быть принесено в жертву, в политическом плане вряд ли достигим, а как политический принцип может являться даже безответственным. В отечественной религиозной традиции дихотомия насилия и ненасилия раскрывается через вербальное и физическое противопоставление данных начал. Следует подчеркнуть, что данное понимание основывается на глубокой духовной основе и подтверждено историческим опытом нашей страны. Все три религиозные традиции объединяет этический идеал, направляющий людей к мирному сосуществованию и противостоянию жестокости.

Список литературы
References

1. Коран. / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М.: МПО «ВОЛОКНОР»; СП «ТРЕКИНГТУР», 1990. – 727 с.
Koran. / Per. and comments. I. Yu. Krachkovsky. – M.: NGO "VOLOKNO"; SP "TREKKINGTOUR", 1990. – 727 p.
2. Фома Аквинский Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. / Фома Аквинский. – К.: Ника-Центр, 2011. – 576 с.
Thomas Aquinas Sum of theology. Part II-II. Questions 1–46. / Thomas Aquinas. - K.: Nika-Center, 2011. - 576 p.
3. Упанишады в 3-х книгах. Кн. 3-я. Пер. предисл. и комм. А.Я. Сыркина. – М.: Наука, Ладомир, 1992. – 256 с.
Upanishads in 3 books. kN. 3rd. Per. Preface. and comms. A. Ya. Syrkina. - Moscow: Science, Ladomir, 1992. - 256 p.
4. Йога-сутра Патанджали. Комментарии – Минск: Изд-во «Ведантамала», 2006 г. – 388 с.
Yoga Sutra of Patanjali. Comments – Minsk: Publishing house "Vedantasara", 2006. – 388 p.
5. Лютер М. Избранные произведения. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – 433 с.
Luther M. Selected works. – SPb.: Andreev and consent, 1994. – 433 p.
6. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Пер. с фр. А. Д. Бакулова / Под ред. Ю.Ф. Кимилева / Пред. А.Д. Бакулова / Комм. Г.В. Вдовина. Т. 1–3. Кн. 1–4. М.: Изд-во РГГУ, 1997. – 582 С.
Calvin J. Instruction in the Christian faith / Per. with FR. A. D. Bacula-VA / Under the editorship of J. F. Kisileva / prev. A. D. Bakalova / Comm. G. V. Vdovin. Vol. 1-3. kN. 1-4. M.: Izd-vo RGGU, 1997. – 582 P.
7. Bradford, W. History Of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001 – 470 p.
Bradford, W. History Of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001 – 470 p.
8. Говорит сам Джордж Фокс. Перевод и вступительная статья Т.А. Павловой. М., ИВИ РАН, 2000. -192 с.
Says George Fox himself. Translation and introductory article by T.A. Pavlova. M., IVI RAN, 2000. - 192 p.
9. Павлова Т.А. Принцип ненасилия в учении ранних квакеров: документальное оформление доктрины / Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). – М., ИВИ РАН, 2000. – С. 60–78.
Pavlova T. A. the Principle of non-violence in the teachings of the early Quakers: the documentary doctrine / Non-violence as a worldview and way of life (historical view). – M., EVIE Russian Academy of Sciences, 2000. - P. 60–78.
10. Рощин М.Ю. Шейх Абдульвахид из Хабши (реальный опыт суфизма как миротворческой ветви ислама) / Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). – М., ИВИ РАН, 2000. – С. 188 – 192.
. Roschin M. Y. Sheikh Abdulwahid of Habshi (real experience of Sufism as a peacekeeping branch of Islam) // Non-violence as a worldview and way of life (historical view). – M., EVIE Russian Academy of Sciences, 2000. - P. 188–192.
11. Законы Ману. – М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2002. – 496 с.
The laws of Manu. - M.: publishing house EKSMO-Press, 2002. – 496 p.
12. Традиции ненасилия в истории культуры / О. Ю. Шахова; науч. ред. Б. В. Емельянов. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар, ун-та, 2008. – 160 с.
The traditions of nonviolence in the history of culture / O. Y. Shahova. ed. by B. V. Yemelyanov. Nizhnevartovsk: publishing house of Nizhnevartovsk state humanitarian University, 2008. – 160 p.
13. Ганди М. Революция без насилия. / Махатма Ганди.- М.: Алгоритм, 2012. – 480 с.
Gandhi M. Revolution without violence. / Mahatma Gandhi. - M.: Algorithm, 2012. – 480 p.
14. Ненасилие: философия, этика, политика. - М.: Наука, 1993. – 188 с.
Nonviolence: philosophy, ethics, politics. M.: Nauka, 1993. – 188 p.
15. Жигальцова Т.В. Оппозиция «свой-чужой» в квакерском религиозном сообществе раннего колониального периода Северной Америки. // Вопросы Культурологии. - 2009. - № 10. – С. 25–28.
Zhigaltsova T. V. opposition "friend-foe" in the Quaker religious community of the early colonial period of North America. // Questions Of Cultural Studies. - 2009. - № 10. - P. 25–28.